

НОШНА

АННА ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

Анна Преображенская

Нонна

«Автор»

2026

Преображенская А.

Нонна / А. Преображенская — «Автор», 2026

Обычный рабочий день в салоне маникюра заканчивается ударом тока — и Нонна открывает глаза в мире, где живут эльфы, летают драконы, а её фрезер называют магическим артефактом. Она не героиня. Не воин. Не избранная из пророчества. Она просто мастер маникюра, которая оказалась не в том месте и не в том мире. Но здесь её руки, привыкшие к тонкой работе, вдруг начинают исцелять. Здесь её, чужую, принимают как свою. Здесь она впервые чувствует, что такое настоящая любовь — и как больно терять. Чтобы выжить, ей придётся стать той, кем она никогда не была. Чтобы найти свой дом — пройти через тьму и свет. Чтобы обрести себя — ответить на вопрос: что важнее — кровь или дар? История о девушке, которая не искала приключений. Но приключения нашли её сами.

© Преображенская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Разряд	6
Глава 2. Лесной эльф с плохим чувством юмора	10
Глава 3. Чужая в Зелёном Доме	15
Глава 4. Твёрдая рука	23
Глава 5. Искры	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Нонна

Глава 1. Разряд

День первый, кажется, понедельник

Будильник заорал в 7:15. Нонна отключила его раньше, чем вспомнила, какой сегодня день.

Понедельник? Вторник? Да какая разница.

Маршрутка, пятнадцать минут в пробке, пять минут пешком от остановки — и она уже в салоне «Зефир». Кофе-машина гудит, пахнет лаком и антисептиком. В углу Ульяна уже протирает стол и жалуется на жизнь.

— Ты представляешь, Нонна, ей захотелось чёрный матовый на коротких, а через день она звонит и орёт: «Они у меня как у гота!» А я ей что, сама матовый топ наносила? Ты сама просила!

— Утро доброе, Ульян, — Нонна села за свой столик, проверила насадки. Чистые. Лампа моргает — пора менять.

В дверь уже заглядывала первая клиентка: женщина лет пятидесяти, с сумкой из козжама и выражением лица «я знаю лучше». Хотела классический френч, только чтобы белая полоска была потоньше, розовый — порозовее, и лак чтобы держался месяц. Нонна улыбнулась и в сотый раз объяснила, что лак — не броня.

День третий, среда

— Девочки, а если бы вы попали в другой мир, что бы взяли с собой? — Тата, четвёртый мастер, красила ногти студентке из того самого мединститута и явно скучала.

— Гель-лаки, — не думая, ответила Наташа. — И сухожар.

— Топ без липкого слоя, — подхватила Ульяна. — И чтобы клиентки не опаздывали.

Нонна промолчала. Она записывала клиентку на завтра и думала о том, что уже третью среду подряд идёт дождь, и каждый раз она забывает зонт.

В обед заказали пиццу, обсуждали, кто сколько чаевых получил. Тата рассказывала, как одна клиентка попросила нарисовать на ногтях портрет её кота. «Я нарисовала. Она сказала, что кот не похож. А он реально был не похож. Я кота по фото рисовала, а она сама не знает, как её кот выглядит».

Смеялись. Потом опять по кругу: пилочка — база — цвет — топ. Домой. Спать.

День пятый, пятница

К концу недели Нонна уже почти не различала дни. Всё слилось в одну длинную полосу из ногтевых пластин разной формы.

— Слушай, Нонн, — Наташа подседа, когда они вдвоём остались закрывать салон. — Ты чего такая? Всю неделю молчишь и в окно смотришь.

— Не знаю, — честно сказала Нонна. — Просто каждое утро одно и то же. Маршрутка, салон, ногти, дом. И завтра будет то же самое.

— Ну так выходные же.

— А в понедельник опять. Как в день сурка.

Наташа задумчиво покрутила баночку с кремом для рук.

— Может, тебе в отпуск? Или хотя бы выспаться для начала.

Нонна пожала плечами. Выспаться не получится — завтра суббота, запись плотная.

Вечером салон опустел. Ульяна убежала первая — у неё начинался сериал про вампиров, Тата с Наташей ушли вместе, обсуждая, где купить новую базу по акции. Нонна осталась одна.

Она выключила везде свет, оставила только лампу над своим столом. Ещё немного — и домой, к окну с видом на морг. Но перед этим — рутина: почистить фрезер. Процедура простая: включить на пару секунд, дать насадке прокрутиться вхолостую, смахнуть пыль специальной щёткой.

Она взяла аппарат, машинально вставила любимую алмазную насадку и нажала кнопку. Разряд прошёл не через палец.

Он ударил сразу в ладонь, потом в локоть, потом куда-то в затылок. Перед глазами вспыхнул синий свет — яркий, как сварка, — и раздался треск, будто кто-то разорвал пополам толстую простыню.

Нонна даже вскрикнуть не успела. Тело дёрнулось, пальцы сжались сами собой, а в голове на секунду стало очень-очень тихо.

А потом — словно кто-то выключил её мир и включил другой.

Первым включился слух.

Шум воды. Близкий, ровный — река.

Нонна открыла глаза. В правой руке она всё ещё сжимала фрезер — тёплый, но уже не дымящийся. Трава под спиной, влажный песок у самых ног. Над головой — не потолок салона, а бескрайнее бледно-голубое небо, по которому быстро бежали лёгкие облака.

Она лежала на берегу широкой реки. Вода была прозрачной, с зеленоватым отливом, а на другом берегу стеной стоял лес — огромные деревья, каких она никогда не видела, с кронами, входящими, кажется, прямо в небо.

Нонна моргнула. Открыла рот, чтобы сказать что-нибудь осмысленное, но не успела.

Сверху, стремительно и беззвучно, пронеслась огромная тень.

Дракон.

Он был больше, чем всё, что она могла вообразить. Кожистые крылья перекрыли солнце, длинный хвост тянулся следом, как шлейф. Тварь пролетела низко, прямо над водой, и воздушный поток ударил по поверхности реки. Вода вздыбилась, пошла волнами — и плеснула Нонне на ноги.

Она закричала.

Не «ой» и не «ах», а полноценный, на всё горло, крик ужаса и изумления. Фрезер покати́лся в траву. Нонна попыталась вскочить, поскользнулась на мокрой гальке и снова рухнула.

— Тихе! Тихе, спокойно!

К ней бежал кто-то со стороны деревьев. Высокий, в зелёной тунике, с луком за спиной. Чёрные волосы развевались на бегу. Он опустился рядом на одно колено, взял Нонну за плечи — крепко, но не грубо — и заглянул в глаза. Глаза у него были ярко-голубые, как небо над рекой.

— Всё хорошо, — сказал он твёрдо. — Ты в безопасности. Дыши.

Нонна судорожно вдохнула. Уши у него были заострённые. Настоящие. Не ободок на Хэллоуин.

— Ты — выдохнула она. — Ты эльф.

Парень чуть склонил голову. Удивление мелькнуло в его лице, но он справился с ним быстрее, чем Нонна — с дыханием.

— Да, — ответил он. — Разумеется. Ведь это королевство лесных эльфов.

Он помолчал и добавил, пристальнее вглядываясь в неё:

— А вот что здесь забыл человек — это вопрос куда более интересный.

Нонна не ответила. Потому что в голове у неё щёлкнуло сразу три вещи. Первая: она понимает каждое слово незнакомого языка, на котором он говорит, и это пугает. Вторая: она только что видела дракона. Настоящего. Живого. Третья: у неё мокрые ноги, фрезер валяется в траве, а этот эльф только что сказал «человек» таким тоном, будто люди здесь — редкость.

Она подняла дрожащую руку и показала в ту сторону, куда умчалась тварь.

— Это что, — голос сорвался в сип, — это что сейчас пролетел? Дракон?!

— Да, дракон, — спокойно ответил эльф, всё ещё придерживая её за плечо. — Здесь недалеко тренировочное поле. Мой брат как раз отрабатывает с ним боевые заходы.

Он вздохнул, бросил короткий взгляд на небо и добавил с лёгкой досадой:

— Вечно он пугает гостей. Никакого понятия о хороших манерах.

Нонна открыла рот, чтобы сказать что-то вроде «какой ещё тренировочный, вы тут что, все на драконах летаете?», но звука не вышло. Перед глазами поплыло. Река, лес, голубоглазый эльф — всё закружилось и медленно съехало в сторону.

Последним, что она услышала, был его голос — уже не спокойный, а встревоженный:

— Эй! Эй, человек, ты чего?..

А потом темнота.

Глава 2. Лесной эльф с плохим чувством юмора

Сознание возвращалось медленно и как-то неохотно.

Сначала — запах. Хвоя, сушёные травы и что-то сладкое, похожее на мёд, но легче, тоньше. Потом — ощущение под спиной: не песок и не трава, а что-то мягкое, вроде шерстяного одеяла. Потом — тишина. Не та тишина, что бывает в пустом салоне после закрытия, а живая, лесная: где-то трещит сверчок, шелестит листва, потрескивает огонь.

Нонна открыла глаза.

Потолок был деревянный — не доски, а живое плетение ветвей, как будто кто-то вырастил комнату из дерева. Стены из гладкой коры, круглое окно без стекла, через которое лился зеленоватый вечерний свет. В углу тихо гудел очаг — просто углубление в полу, выложенное камнями, над которым висел котелок. От него шло тепло и уютное оранжевое свечение.

Она лежала на низкой кровати, застеленной мягким мхом и каким-то подобием пледа — грубоватая ткань, но тёплая. Рядом на тумбочке-пеньке стояла глиняная кружка, от которой и шёл медовый запах. Ещё на пеньке лежал маленький цветок — бледно-голубой, светящийся в полумраке, как ночник.

Нонна моргнула. В её квартире такого уюта отродясь не было. Мебель из ИКЕА, белые стены, вид на серую девятиэтажку. А тут

— Очнулась, — раздался голос сбоку. — А я уж думал, ты до утра проваляешься.

Нонна повернула голову. В дверном проёме, прислонившись плечом к косяку, стоял тот самый эльф. Теперь, без паники, она могла его разглядеть как следует.

Чёрные волосы до плеч, забранные в низкий хвост. Острые скулы, прямой нос. Голубые глаза смотрели спокойно, даже чуть насмешливо. Одет в зелёную тунику с вышивкой по вороту — что-то похожее на листья, переплетённые в узор. Лук висел на стене позади него, но колчан со стрелами стоял у двери. На поясе — тонкий кинжал в кожаных ножнах.

Обычный парень, подумала Нонна. Только уши острые. И глаза светятся чуть-чуть. И одет как со съёмок фэнтези-сериала. Но держится так буднично, будто каждый день людей из воздуха вылавливает.

— Где я? — спросила она сипло и потянулась к кружке.

— В моём доме. Можешь не благодарить, я не мог оставить человека без сознания на берегу. Приличия, сама понимаешь.

Нонна отхлебнула из кружки. Чай. Травяной, горячий, с тем самым медовым оттенком, как в детстве и чем-то ещё — кажется, мятой. По телу сразу разлилось тепло, а в голове немного прояснилось.

— Вкусно, — сказала она удивлённо. — Сам заваривал?

— Сам. Я живу один, так что либо учишься готовить, либо питаешься сырыми кореньями, ну или идешь в столовую. Я выбрал первое.

Она сделала ещё глоток, а потом оглядела комнату внимательнее. Кроме кровати и пенька-тумбочки здесь был низкий столик у стены, на нём — несколько керамических плошек, пучки сушёных трав, моток бечёвки и маленький кожаный мешочек. У дальней стены стоял грубо сколоченный шкаф, на полках которого лежала одежда, аккуратно сложенная. Пол устилал плетёный коврик из разноцветных травинок — зелёных, жёлтых, фиолетовых. От него исходил лёгкий пряный аромат.

— А это что? — Нонна кивнула на светящийся цветок у своей постели.

— Ночная звездочка. Мы держим их вместо свечей — они не гаснут до рассвета и не коптят.

— Красиво.

— Работает лучше, чем ваши как их лампочки?

Нонна чуть не поперхнулась чаем.

— Ты знаешь, что такое лампочки?

— Смутно. — Алагир прошёл в комнату и уселся на низкий табурет напротив неё, закинув ногу на ногу с той непринуждённой грацией, которая свойственна то ли аристократам, то ли котам. — У нас есть летописи о других мирах. Старые книги. Иногда через разрывы попадают люди и разные предметы. Однажды принесло целую коробку с чем-то, что называлось «батарейки». Старейшины до сих пор не знают, что с ними делать.

Нонна невольно улыбнулась. Представила седого эльфа, который трясёт батарейку «Дюрасел» и пытается колдовать над ней.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Алагир. Следопыт Дома Зелёной Ветви, к твоим услугам. — Он слегка поклонился, приложив руку к груди. — А тебя?

— Нонна. Мастер маникюра.

В комнате повисла пауза. Алагир склонил голову набок, точь-в-точь как птица, заметившая что-то любопытное.

— Мастер чего? — переспросил он.

— Маникюра. Ну, ногти.

Крашу, пилю, рисую.

Алагир моргнул и посмотрел на её руки так, будто только сейчас их заметил. Ногти у Нонны и правда были примечательные — миндалевидной формы, с нежно-розовым градиентом и тонкой серебристой полоской по краю. Она сделала их себе в прошлый выходной. Держались отлично.

— Можно? — вдруг спросил он.

— Что?

— Посмотреть поближе.

Нонна, слегка опешив, протянула руку. Алагир взял её за пальцы — осторожно, едва касаясь, — и поднёс ближе к светящемуся цветку. Несколько секунд изучал ногти с таким вниманием, будто читал древний манускрипт.

— Ровно, — пробормотал он. — Очень ровно. И блестит. Как чешуя речной феи. А эта полоска — она что, внутри? Как ты её туда поместила?

— Это гель-лак, — сказала Нонна, чувствуя себя немного глупо. — Наносится слоями и сушится в лампе.

— В лампе?

— Ну да. Ультрафиолетовой.

Алагир отпустил её руку и откинулся назад. На лице у него читалась смесь изумления и острого любопытства.

— То есть в твоём мире люди ходят к тебе, чтобы ты прикасалась к их рукам, делала их красивыми и использовала для этого магические лампы?

— Это не магия. Это физика.

— У нас физикой называют немного другое. — Он усмехнулся. — Но допустим. И за это платят деньги?

— Да.

— Твой мир полон безумцев, Нонна-мастер-маникюра. Но это очаровательно.

Она хотела возразить, но не нашлась с аргументами. В конце концов, со стороны её профессия и правда выглядела странно: сидит женщина с пилочкой и за деньги делает чужие ногти красивее. Алагир, может, и эльф из другого мира, но в чём-то он прав.

Нонна сделала ещё глоток чая. В голове было мутно, но паника отступила. Вместо неё пришла усталость — глубокая, до костей, как после десяти клиенток подряд в субботу. И ещё — странное, непривычное чувство. Любопытство.

— Послушай, — сказала она. — Я не понимаю. Я включила фрезер, меня ударило током, а потом река, дракон, ты. Где я вообще? Это какая-то шутка?

— Не шутка. — Алагир посерьёзnel. — Ты в Эльвайне, в королевстве лесных эльфов. Как ты сюда попала — загадка. Разрывы между мирами случаются, но чтобы человек выпал из воздуха с дымящейся железякой в руке — такого я ещё не видел.

Нонна закрыла глаза и медленно выдохнула.

— Мой фрезер, — сказала она убитым голосом. — Он хоть цел?

— Эта твоя штуковина? — Алагир кивнул на угол. — Лежит вон там. Не дымится уже, но я бы не советовал к ней прикасаться.

Нонна проследила за его взглядом. Её старенький, выдавший виды японский фрезер лежал на полу у стены, и вокруг него действительно мерцала слабая голубоватая дымка. Она не гасла, а словно переливалась, стекала тонкими струйками по корпусу.

— Магия из неё так и сочится, — добавил Алагир. — Я такое только у старых артефактов видел. Ты вообще знаешь, что эта вещь пропитана силой?

— Это просто фрезер, — беспомощно сказала Нонна. — Им кутикулу шлифуют.

— Не знаю, что такое кутикула, но твой «просто фрезер» разорвал пространство, пробил дыру между мирами и швырнул тебя на берег Эльфийской Реки. Такие вещи просто так не случаются.

Он встал, подошёл к фрезеру и присел на корточки. Нонна заметила, как он протянул руку над аппаратом, не прикасаясь, — и голубая дымка потянулась к его пальцам, словно живая.

— Интересно, — пробормотал он. — Не опасно. Но структура чуждая. Такая магия мне не знакома.

— Это не магия. Это японский моторчик и сто двадцать вольт.

Алагир обернулся и посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты сама-то веришь в то, что говоришь?

Нонна промолчала. Потому что — нет, уже не верила.

В комнате повисла тишина. Сверчок за окном замолчал, и стало слышно, как в очаге тихо потрескивают угли. Нонна смотрела на фрезер, Алагир смотрел на Нонну.

— А тот дракон, — вдруг спросила она. — Ты сказал, на нём летел твой брат?

— Да. Рейнар. — Лицо Алагира смягчилось. — Мы с ним патрулируем границу. Он всадник, я следопыт. Сегодня у него была тренировка с новым драконом. Вечно летает слишком низко, я ему сто раз говорил.

— У вас тут что, у каждого есть дракон?

Алагир рассмеялся — легко, без издёвки.

— Нет, конечно. Только у избранных. Рейнар — один из всадников королевской стражи. Это большая честь.

И большая головная боль для меня, потому что его дракон постоянно пугает лесных оленей и создаёт мне проблемы на охоте.

Нонна покрутила кружку в руках. Мир вокруг был безумным, невозможным, сказочным. Но говорил эльф таким будничным тоном — брат, работа, проблемы с оленями, — что это почти успокаивало.

— А твой дракон? — спросила она вдруг.

— Что — мой?

— У тебя есть дракон?

Алагир улыбнулся — на этот раз чуть грустно.

— Нет. Я не всадник. Моё дело — лес, тропы, границы. Драконы требуют особого дара, особой связи. У меня её нет.

— Но ты бы хотел?

Он помолчал, глядя на огонь.

— Когда-то — да. В детстве. Все мальчишки хотят летать. Но потом понимаешь, что у каждого свой путь. Я хороший следопыт. Мне нравится моя работа.

Нонна вдруг подумала, что этот эльф ей чем-то симпатичен. Не внешностью даже, хотя внешность была более чем. А тем, как он говорил — без рисовки, без желания произвести впечатление. Просто сидел и отвечал на вопросы, и в его голубых глазах горел спокойный, уверенный свет.

— И что мне теперь делать? — спросила она тихо.

— Для начала — отдохнуть. — Алагир поднялся и потянулся, разминая плечи. — Ты всё ещё бледная, а завтра тебе понадобятся силы. Я отведу тебя к старейшинам. Они мудрые, может, разберутся, как отправить тебя обратно.

— Обратно, — повторила Нонна.

Слово повисло в воздухе, как чужой запах. Обратно — это в салон «Зефир». К маршрутке по утрам, к бесконечным ногтям, к пятницам, которые не отличить от понедельников. К окну, из которого видно только серую стену соседнего дома.

Она вдруг поняла, что за всё время, пока лежала здесь — в доме из живого дерева, с медовым чаем и светящимся цветком у постели, — ни разу не вспомнила о том мире с тоской. Только с усталостью.

— Ты хочешь вернуться? — спросил Алагир.

Нонна открыла рот — и закрыла. Ответ не шёл.

— Наверное, — сказала она, не зная правильного ответа.

Алагир внимательно посмотрел на неё. В его голубых глазах мелькнуло что-то похожее на понимание — глубокое, без осуждения.

— Тогда тем более стоит выспаться, — сказал он мягко. — Утро вечера мудренее. Это у вас, людей, так говорят?

— У нас, людей, это говорят, — подтвердила Нонна.

— Вот видишь. Я отлично знаю ваш фольклор.

Он взял с полки ещё одно одеяло, бросил ей на кровать — лёгкое, как пух, но тёплое на ощупь. Потом подошёл к очагу, подбросил пару веток, и пламя загудело бодрее.

— Если проголодаешься, на столике лепёшки и сыр, — сказал он. — Если замёрзнешь — второе одеяло в ногах. Если приснится кошмар — кричи, я за стенкой.

— Ты так спокойно к этому относишься, — вдруг сказала Нонна. — К тому, что я здесь. Что я человек. Что я из другого мира.

Алагир обернулся у двери. Свет очага падал на его лицо, и на секунду он показался совсем не насмешливым, а просто добрым.

— Я следопыт, Нонна. Моя работа — находить тех, кто потерялся. Ты потерялась. Я нашёл. Всё остальное — частности.

Он помолчал и добавил:

— Кстати, твои руки. Они и правда красивые. Может, в этом вашем маникюре что-то есть.

И вышел, оставив Нонну в тишине, в которой пахло мёдом, хвоей и чем-то совершенно новым.

Она ещё долго лежала без сна. Смотрела, как мерцает ночная звездочка на тумбочке, как танцуют тени на плетёном потолке, как голубоватая дымка над фрезером медленно затухает. Где-то вдалеке, за лесом, раздался низкий утробный рык — дракон, наверное, — но он не пугал. Просто напоминал, что мир за стенами этого дома — огромный, незнакомый и почему-то манящий.

Нонна перевернулась на бок, укрылась одеялом до подбородка, и сама не заметила, как уснула.

Без будильника.

Глава 3. Чужая в Зелёном Доме

Проснулась Нонна не от будильника. От света.

Он был мягкий, зеленовато-золотой, совсем не похожий на резкий электрический. Пробивался сквозь круглое окно без стекла, рисовал на плетёном потолке узоры из теней и солнечных зайчиков. Пахло травой, дымом и свежим хлебом.

Нонна села на кровати. Мховый матрас под ней мягко пружинил. Ночная звездочка на тумбочке погасла, превратившись в закрытый бутон. За стеной что-то тихо звенело — кажется, керамическая посуда.

Она потянулась, размяла пальцы — профессиональная привычка, — и вдруг замерла. Вчерашнее нахлынуло разом: салон, удар током, река, дракон, голубоглазый эльф по имени Алагир. Она в другом мире. В настоящем, чтоб его, другом мире.

— Проснулась? — раздался голос из-за двери. — Выходи. Завтрак стынет.

Нонна быстро пригладила волосы, одёрнула одежду и вышла из комнаты.

Главная комната дома оказалась просторной и светлой. Те же живые стены из переплетённых ветвей, тот же земляной пол с плетёным ковром. Посередине стоял низкий стол, а на нём — глиняные тарелки, кувшин с чем-то дымящимся и корзинка с лепёшками. Алагир уже сидел на одной из подушек, скрестив ноги, и нарезал сыр тонким кинжалом — тем самым, что вчера висел у него на поясе.

— Садись, — он кивнул на подушку напротив. — У меня обычно гостей не бывает, так что сервис не королевский.

— Да уж, — Нонна опустила на подушку и оглядела стол. — Глиняные тарелки, ручная работа. У нас за такое в ресторанах доплату берут.

— Что такое ресторан?

— Место, куда приходят поесть и оставить кучу денег.

Алагир усмехнулся и пододвинул к ней тарелку с лепёшками.

— Тогда считай, что ты в эльфийском ресторане. Бесплатном.

Нонна откусила лепёшку. Та была тёплой, с хрустящей корочкой и какими-то ароматными зёрнышками внутри. Сыр оказался мягким, козым на вкус. Из кувшина Алагир налил ей отвар — не чай, а что-то ягодное, слегка кисловатое.

— Вкусно, — признала она. — А ты точно следопыт? Может, повар?

— Следопыт, который живёт один, — ответил Алагир. — Я же говорил: либо учишься готовить, либо сырые коренья.

Они ели молча. Нонна косилась на окно, за которым виднелся лес — высокий, многоярусный, совсем не похожий на подмосковные перелески. Где-то вдалеке перекликались птицы странными, почти мелодичными голосами.

— Что дальше? — спросила она наконец.

— Я обещал отвести тебя к старейшинам. Сдерживаю обещание. Допивай отвар и идём.

Деревня лесных эльфов называлась Эль-Даран. В переводе — «Зелёный Дом». Когда Нонна вышла из дома Алагира и увидела её целиком, то на несколько секунд просто замерла.

Это был не населённый пункт в человеческом понимании. Никаких улиц, заборов или отдельных зданий. Поселение вписывалось в лес, как будто выросло из него само — и, возможно, так оно и было. Дома — такие же, как у Алагира, — сплетённые из живых ветвей, встроенные прямо в стволы гигантских деревьев или подвешенные на толстых сучьях. Между ними вились дорожки из плотного мха, подсвеченные теми самыми цветами-звёздочками, только крупными и сияющими даже днём. В воздухе стоял ровный гул — смесь голосов, стука дерева, звона кузницы и шума листвы.

— Ого, — выдохнула Нонна.

— Первый раз вижу человека, который так смотрит на Эль-Даран, — заметил Алагир.
— Обычно путешественники либо пугаются, либо не верят своим глазам.

— Я не пугаюсь. Я впечатлена. Это как биодизайн высшего уровня.

— Что такое биодизайн?

— Долго объяснять.

Они пошли по тропе. Навстречу попадались эльфы — высокие, стройные, с волосами всех оттенков от льняного до угольно-чёрного. Одни были одеты в такие же туники, как у Алагира, другие — в длинные одежды, расшитые серебром. Кто-то нёс корзины с травами, кто-то вёл под уздцы странное животное, похожее на миниатюрного оленя с пушистыми рогами.

Все они провожали Нонну взглядами. Не враждебными — скорее изучающими. Кое-кто перешёптывался за спиной, и она улавливала обрывки фраз:

— Человек? Здесь?

— С Алагиром идёт

— Откуда?

Первыми не выдержали дети.

Двое мальчишек, светловолосых и остроухих, выскочили из-за дерева и уставились на Нонну с откровенным восторгом. Один, тот что постарше, ткнул пальцем в её сторону и громким шёпотом спросил:

— Смотри, у неё уши круглые! Она правда человек?

— И волосы странные, — добавил второй. — Не как у нас.

— И одежда чудная!

Из-за соседнего дома выглянула молодая эльфийка с младенцем на руках. Увидев Нонну, она замерла, потом подошла ближе. Молча, без спроса, протянула руку и коснулась рукава её блузки — той самой, в которой Нонна работала в салоне. Белая, с маленьким пятнышком от гель-лака на манжете.

— Мягкая, — сказала эльфийка удивлённо. — Что за ткань?

— Хлопок, — ответила Нонна, чувствуя себя немного экспонатом. — У нас это обычная одежда.

— У людей обычная, — повторила эльфийка и улыбнулась. — Красивая.

Вокруг уже собралась небольшая толпа — десятка два эльфов, в основном женщины и дети. Они разглядывали Нонну с живым, но деликатным любопытством, перешёптывались, задавали вопросы. Пожилая эльфийка с серебряной косой до пояса вдруг взяла её за руку, повернула ладонью вверх и восхищённо цокнула языком, разглядывая ногти.

— Вы только посмотрите. Как лепестки, — сказала она. — Это что, природное?

— Это гель-лак, — ответила Нонна. — Сложная технология.

— У людей свои чары, — важно кивнула старуха. — Я всегда говорила.

Алагир, стоявший рядом со скрещёнными на груди руками, наконец вмешался:

— Всё, всё, разглядели и хватит. Она не диковинный зверь, а гостя. Пропустите.

Толпа нехотя расступилась, и они пошли дальше.

Нонна вдруг поняла, что понимает их. Всех. Язык эльфов звучал в её голове так же ясно, как русская речь. Это пугало и завораживало одновременно.

— Алагир, — тихо сказала она. — Почему я вас понимаю? Язык же другой.

Он обернулся через плечо:

— Разрыв между мирами сработал как мост. Те, кто проходит через него, обретают понимание речи нового мира. Магия перехода. Не спрашивай подробностей, я не маг.

— Удобно.

— Согласен. Иначе мне пришлось бы объяснять тебе всё на пальцах.

Они прошли через центр поселения. Нонна заметила большое дерево — самое огромное из всех, что она видела, — ствол толщиной с автобус, крона терялась в облаках. Вокруг него

была выложена круглая площадка из белого камня. Там стояли скамьи, и сейчас на них сидели несколько эльфов в тёмно-зелёных мантиях.

— Это Великое Древо, — пояснил Алагир. — Сердце нашего королевства. Старейшины собираются там.

Но дойти до Древа им не дали.

С боковой тропинки выскочил эльф — молодой, рыжеватый, с растрёпанными волосами и отчаянным выражением лица.

— Алагир! — закричал он. — Хвала лесу, ты здесь! Там Линнель ранен! Стрела, зазубренная, мы не можем вытащить, кровь не останавливается!

Алагир мгновенно подобрался, лицо стало жёстким.

— Где?

— У восточного ручья! Я уже послал за целителем, но он в дальнем секторе, будет только к вечеру!

Нонна не успела ничего сказать. Алагир уже бежал по тропе, и ей ничего не оставалось, как последовать за ним.

Раненый лежал на берегу ручья, окружённый тремя эльфами. Молодой парень, почти мальчишка, бледный до синевы. Стрела торчала из плеча — грубая, с тёмным оперением и действительно зазубренным наконечником, который, видимо, не давал её вытащить, не разорвав ткань.

— Целитель когда? — отрывисто спросил Алагир.

— К вечеру, — повторил рыжеватый. — Мы пытались сами, но наконечник...

Нонна смотрела на стрелу. Что-то в голове щёлкнуло. Зазубренный наконечник, нельзя тянуть обратно — разорвёт. Надо протолкнуть вперёд, как занозу. И нужен инструмент.

— У тебя кинжал, — сказала она Алагиру. — Острый?

— Лучший в Эль-Даране. А что?

— Доставай. И дай мне огонь — факел или что там у вас.

— Зачем?

— Быстро!

Алагир, к его чести, не стал спорить. Кивнул одному из эльфов, тот поднёс небольшой факел — видимо, от костра неподалёку. Нонна прокалила лезвие кинжала над пламенем, досчитала до десяти. Вспомнила, как однажды обрабатывала страшный порез клиентки — та упала на стекло прямо перед салоном, и Нонна держала рану, пока ехала скорая.

— Держите его, — скомандовала она. — Крепко.

Эльфы прижали парня к земле.

Нонна сделала быстрый, точный надрез рядом с наконечником — ровно такой, чтобы расширить входное отверстие. Кровь хлынула сильнее, но это было ожидаемо. Наконечник вышел вместе с куском древка, который она аккуратно протолкнула вперёд, а не потянула назад.

— Чистую ткань, — бросила она. — Или мох, или что там у вас стерильное.

Один из эльфов протянул пучок серебристого мха. Нонна прижала его к ране, сильно, обеими руками. Мох начал впитывать кровь, как губка.

— У нас есть кровоостанавливающая настойка, — подал голос рыжеватый. — Я принесу!

— Неси. И нитки. Тонкие. Для шва.

— Чего?

— Иголку и нитку. Быстро.

Эльфы переглянулись, но бросились выполнять. Алагир, присевший рядом, смотрел на Нонну во все глаза. Его взгляд был уже не насмешливым. Совсем другим.

— Ты — начал он.

— Я мастер маникюра, — перебила Нонна, прижимая мох к ране. — Работаю с руками. С кожей. С тонкими инструментами. Эта стрела — просто очень большая заноза. Не дёргай меня, дай сосредоточиться.

Эльфы принесли настойку — что-то зеленоватое, пахнущее спиртом и травами, — и костяную иглолку с нитью из тонкой, но прочной паутины. Нонна обработала рану, сделала три аккуратных стежка и затянула. Потом наложила на шов ту самую настойку и крепко забинтовала плечо полоской чистой ткани.

Парень дышал. Бледный, но живой. Кровь остановилась.

Вокруг стояла тишина. Шесть эльфов смотрели на Нонну с выражением, которое она отлично знала: так клиентки смотрят на идеально ровный френч.

— Ты спасла его, — сказал рыжеватый Минелон.

— Я просто умею работать руками, — ответила Нонна. — У вас тут что, никто не умеет швы накладывать?

— Целители умеют. Но их мало. И они далеко.

Алагир поднялся, отряхнул колени и протянул Нонне руку. Она приняла помощь и встала, чувствуя, как трясутся собственные пальцы — но не от страха, а от адреналина.

— Целитель, значит, к вечеру, — пробормотал он. — А ты за пять минут управилась.

— Не преувеличивай. Это просто первая помощь.

— У нас, — сказал Алагир медленно, — это называется целительством.

Он развернулся к рыжеватому эльфу:

— Минелон, передай старейшинам: мы придём, как только Нонна будет готова. И пусть знают — она не просто человек. Она умеет врачевать.

— Она человек? — выдохнул Минелон.

— Да. И кажется, очень полезный.

Нонна вытерла руки о влажный мох и молча посмотрела на свои пальцы. Те самые пальцы, которые ещё вчера красили ногти в розовый градиент. Теперь они зашивали рану в другом мире.

И почему-то это не казалось странным. Это казалось правильным.

— Идём, — сказал Алагир. — Старейшины будут впечатлены.

По пути к Великому Древу их догнал Минелон. Он шёл быстро, почти вприпрыжку, и на ходу без умолку говорил — то ли от нервов, то ли от природы был такой разговорчивый.

— Ты правда из другого мира? А как он называется? А как ты сюда попала? А у вас там у всех такие уши?

— Минелон, — перебил Алагир. — Дай ей вздохнуть.

— Да ничего, — сказала Нонна. — Я уже привыкла. У нас в салоне девчонки тоже любят поболтать.

— Салон? — Минелон округлил глаза. — Это что?

— Место, где я работаю. Ногти крашу.

— Она мастер маникюра, — пояснил Алагир с таким видом, будто сам был специалистом. — Это вроде целительства, только для красоты.

— Потрясающе, — выдохнул Минелон. — У нас красотой занимаются только на праздники, и то — венки плетут. А ногти не, никогда не слышал. Слушай, а тот парень, которого ты спасла, — Линнель. Он мой младший брат. Я должен тебе.

Нонна остановилась и посмотрела на него. Рыжеватый, взъерошенный, с веснушками на остром носу — он выглядел лет на девятнадцать, не старше. И глаза у него сейчас были совершенно серьёзные, без капли давешнего легкомыслия.

— Ты ничего мне не должен, — сказала она. — Я просто оказалась рядом.

— Нет, — твёрдо ответил Минелон. — Ты спасла его. Если бы не ты, он бы истёк кровью. Я твой должник. Если понадобится помощь — любая, — позови меня. Я ученик оружейника, у меня есть доступ к хорошей стали. И кое-какие знакомства. Всё что угодно.

— Спасибо, Минелон.

— Это тебе спасибо.

Он поклонился — быстро, но искренне, — и убежал вперёд, к Великому Древу, предупредить старейшин.

Нонна и Алагир остались вдвоём на тропе. Лес вокруг мягко шумел, пахло мхом и рекой.

— Ты ему брата спасла, — негромко сказал Алагир. — Это много значит.

— Я поняла.

— Готова к встрече со старейшинами?

— А что, есть к чему готовиться?

Алагир усмехнулся и пошёл дальше.

— Советую не упоминать при них, что твой фрезер — японский моторчик. Говори «магический артефакт». Звучит солиднее.

Совет старейшин заседал прямо под Великим Древом. Огромные корни поднимались из земли, образуя нечто вроде природных скамей, и на этих корнях сидели трое эльфов в тёмно-зелёных мантиях, расшитых серебряной нитью.

Первый — высокий, с длинной седой бородой и пронзительными серыми глазами — смотрел на Нонну так, будто сразу видел всю её подноготную. Второй — моложе, с резкими чертами лица и недоверчиво поджатыми губами — скрестил руки на груди и явно был настроен скептически. Третья — эльфийка лет на вид около сорока, с медными косами, уложенными вокруг головы, — сидела молча и загадочно улыбалась, поглаживая пальцами край мантии.

Алагир поклонился первым:

— Старейшины. Я привёл гостью из другого мира. Она появилась вчера на берегу Эльфийской Реки.

— Мы слышали, — голос седого был глубоким и спокойным. — Минелон уже рассказал о её поступке. Подойди, дитя.

Нонна шагнула вперёд, чувствуя себя как на собеседовании. Только вместо директора салона — трое древних эльфов, а вместо резюме — дымящийся фрезер за пазухой.

— Как тебя зовут? — спросил седой.

— Нонна.

— Нонна, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Странное имя. Но красивое. Покажи нам то, что принесло тебя сюда.

Нонна вытащила фрезер из кармана и протянула на ладони. Голубоватая дымка вокруг него почти исчезла, но слабое свечение ещё оставалось.

Старейшины подались вперёд. Скептический поджал губы ещё сильнее. Медноволосая, напротив, оживилась и чуть подалась вперёд.

— Артефакт, — произнёс седой, разглядывая фрезер. — Определённо. Чужая магия, но не тёмная. Скорее нейтральная. Что это за вещь?

— Инструмент, — сказала Нонна. — Для работы с ногтями.

— С ногтями? — переспросила медноволосая, и её бровь чуть приподнялась.

— Она мастер маникюра, — вмешался Алагир. — В её мире это искусство обработки ногтевых пластин. И судя по тому, что я видел, весьма тонкое.

Скептический фыркнул:

— Искусство обработки ногтей? И поэтому ты предлагаешь нам считать её гостьей, а не угрозой?

— Она только что спасла жизнь эльфу, — спокойно напомнил Алагир.

— Это не отменяет того, что её появление может быть неслучайным.

— Тише, — седой поднял руку. — Гостья не виновата в том, что оказалась здесь. Мы должны решить, что делать дальше, а не спорить о её намерениях.

Медноволосая, которая до сих пор молчала, вдруг заговорила. Голос у неё оказался низким, обволакивающим:

— А ты хочешь вернуться? — спросила она, глядя Нонне прямо в глаза.

Вопрос повис в воздухе. Нонна вспомнила салон «Зефир», маршрутку, серую стену соседнего дома, бесконечные пятницы, похожие на понедельник. Потом вспомнила дом Алагира, ночную звездочку у постели, запах хвои и мёда.

— Я не знаю, — ответила она честно. — Я даже не понимаю, как сюда попала. Это вышло случайно.

— Случайностей не бывает, — тихо сказала медноволосая. — Разрыв между мирами не открывается просто так.

— Что ты предлагаешь, Элира? — спросил седой.

— Позволить ей остаться. Пока. — Элира обвела взглядом остальных старейшин. — Пусть живёт в Эль-Даране, пусть наблюдает и учится. Если в ней есть дар, он проявится. Если нет — мы найдём способ отправить её домой.

— А если она шпионка тёмных? — резко спросил скептический.

Элира улыбнулась — мягко, но холодно:

— Дориан, ты видел тёмного шпиона, который спасает наших раненых и делает себе розовые ногти?

Дориан осёкся. Седой хмыкнул в бороду.

— Решено, — сказал он. — Нонна остаётся под опекой Алагира. Он нашёл её — он за неё отвечает. Через семь дней соберём Совет снова и решим, что делать дальше.

— Семь дней, — повторила Нонна, чувствуя одновременно облегчение и тревогу.

— Достаточно, чтобы понять, твоё это место или нет, — кивнула Элира, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое.

Вечером они вернулись в дом Алагира. Очаг горел, отбрасывая на стены оранжевые блики. Нонна сидела, обхватив колени, и смотрела на огонь. Алагир разливал отвар по кружкам.

— Я так и знал, что они оставят тебя, — сказал он.

— Почему?

— Потому что Элира редко говорит, но когда говорит — с ней никто не спорит. Она была первой наездницей ещё до Рейнара и до других Великих. И она чувствует людей. Точнее, разумных существ. Дар такой.

— А Дориан? Он меня чуть не съел.

— Дориан всех чуть не ест. Он главный скептик Совета. Но если ты ему докажешь, что полезна, он будет защищать тебя до последнего. Просто так устроен.

Нонна приняла кружку и сделала глоток. Потом спросила то, что крутилось в голове с самого утра:

— Алагир, расскажи мне про этот мир. Про тёмных эльфов, про войну, про драконов. Я ничего не знаю.

Он сел напротив, скрестил ноги и долго молчал, глядя на огонь.

— Наш мир называется Эльвайн. Лесные эльфы живут здесь, на западе. Мы хранители лесов, охотники и целители. На юге горы — там всадники на драконах, мой брат в том числе. На востоке — пустоши. А за пустошами — земли тёмных эльфов.

— Чем они отличаются от вас?

— Внешне — почти ничем. Но у них другая магия. Тёмная. Они черпают силу из смерти, из боли, из разрушения. Много веков назад они пытались захватить наши земли. Тогда была

большая война. Мы победили, но с тех пор на границах беспокойно. Иногда случаются стычки. Та стрела, что ранила Линнея, — тёмная. Я узнал оперение.

— Значит, они снова близко?

— Возможно. — Алагир помрачнел. — Поэтому я и патрулирую границу каждую неделю, каждый день. Поэтому Рейнар тренирует драконов. Мы готовимся.

Нонна помолчала, переваривая услышанное. Потом спросила:

— А ты почему живёшь один?

Алагир не ответил сразу. Он взял веточку, поворошил угли в очаге.

— У меня была напарница, — сказал он наконец. — Эльфийка по имени Сильвен. Мы вместе патрулировали границу. Пять лет назад отряд тёмных напал на нас. Я выжил. Она — нет.

— Прости, — тихо сказала Нонна.

— С тех пор я работаю один. Так проще. Ни за кого не отвечаешь. Никого не теряешь.

Повисла тишина. За окном стрекотали сверчки, в очаге потрескивал огонь.

— А ты? — вдруг спросил Алагир. — У тебя там, в твоём мире, кто-то остался?

Нонна усмехнулась, но усмешка вышла невесёлой:

— Салон. Девочки: Ульяна, Тата, Наташа. Больше, наверное, никто. Родители далеко, друзья — только на работе. Я жила от маршрутки до салона и обратно. Знаешь, когда ты спросил, хочу ли я вернуться, я вдруг поняла: там у меня — ничего. Только работа.

— Это не так уж мало, — заметил Алагир. — Иметь работу, которую ты любишь.

— Я любила. Наверное. Но это было как день сурка. Каждое утро одно и то же. Каждый день одно и то же. Я даже не замечала, как идут недели.

— Здесь время идёт по-другому, — сказал Алагир. — Может, тебе это и нужно.

Ночь опустилась на Эль-Даран тихо, как одеяло. Нонна легла в свою постель, укрылась мягким пледом и долго смотрела на ночную звездочку, которая снова раскрыла лепестки и засветилась голубоватым.

Мысли кружились: старейшины, тёмные эльфы, Минелон, его брат, которого она спасла. Семь дней. Что она будет делать? Сможет ли остаться? Хочет ли?

Ответа не было. Но что-то внутри — тихое, ещё не оформившееся — подсказывало: да, хочет.

Она уснула.

И ей приснился сон.

Лес — не тот, что вокруг, а другой. Старый, тёмный, с узловатыми деревьями, похожими на скрюченные пальцы. Между стволами стелился туман. Нонна шла по тропе, сама не зная куда. Впереди что-то светилось — слабое золотистое сияние. Она пошла на свет и вышла на поляну.

Посередине поляны стояла женщина. Высокая, в белых одеждах, с длинными серебряными волосами. Лица было не разглядеть, но голос — голос звучал ясно:

— Ты пришла.

— Кто ты? — спросила Нонна.

— Узнаешь позже. Сейчас слушай. Ты здесь не случайно. Твой инструмент разорвал завесу, потому что в тебе уже была искра. Маленькая, спящая. Скоро она проснётся.

— Какая искра? Я обычный человек.

— Обычный? — женщина улыбнулась, и в её голосе послышалась ласковая ирония. — Ты спасла жизнь сегодня. Ты не испугалась. Ты сделала то, на что другие не решились. Это не обычность, Нонна. Это дар.

— Я просто привыкла работать руками.

— Именно. Твои руки — ключ. Береги их.

Видение начало таять. Туман сгустился, фигура женщины растворилась в нём. Последнее, что услышала Нонна:

— Скоро всё изменится. Будь готова.

Она проснулась резко, села на кровати. Сердце колотилось. За окном только-только занимался рассвет — небо из чёрного становилось серо-зелёным.

Нонна выдохнула, потянулась к кружке с водой. И вдруг замерла.

Ночная звездочка на тумбочке, которая обычно светила ровным голубоватым светом, сейчас переливалась. Ярче. Теплее. А когда Нонна потянулась к ней, цветок сам собой развернул лепестки — хотя обычно делал это только с наступлением полной темноты.

Она отдернула руку. Цветок снова закрылся.

— Что за?

Нонна подошла к окну, выглянула наружу. В предрассветном сумраке лес казался тихим и обычным. Но что-то изменилось. Она чувствовала это кожей.

А когда она посмотрела на своё отражение в начищенном медном подносе, то заметила то, чего не было раньше: её глаза, всегда тёмно-карие, теперь отливали зеленоватым.

Совсем чуть-чуть. Но достаточно, чтобы заметить.

Нонна долго стояла у окна, глядя, как над лесом поднимается солнце. Где-то вдалеке раздался драконий рык — утренняя тренировка, наверное.

Семь дней. Что ж, по крайней мере, скучно не будет.

Глава 4. Твёрдая рука

Утро началось с конского ржания.

Нонна вышла из дома и увидела Алагира, который стоял возле невысокой привязи у восточной стены. Рядом с ним переминался с ноги на ногу рыжий конь — крупный, широкогрудый, с густой гривой, заплетённой в короткие косички. Конь косил на Нонну умным карим глазом и чуть пофыркивал, будто сомневался в её праве здесь находиться.

— Знакомься, — сказал Алагир, похлопав коня по шее. — Бадрок. Мой патрульный. Мы с ним уже шесть лет вдвоём границу объезжаем.

— Красивый, — признала Нонна, осторожно приближаясь. — Можно?

— Протяни руку, дай понюхать.

Она вытянула ладонь. Бадрок шумно втянул воздух, фыркнул ещё раз — уже мягче — и ткнулся носом ей в пальцы. Нонна улыбнулась и погладила коня по храпу.

— Признал, — прокомментировал Алагир. — Обычно он к чужим строже.

— Я к животным спокойно отношусь, но лошадей люблю, — сказала Нонна. — У нас в салоне был аквариум, я за рыбками ухаживала.

— Рыбки — это не боевой конь, но начало хорошее.

Алагир запрыгнул в седло одним лёгким движением, подобрал поводья и посмотрел на Нонну сверху вниз.

— Я на восточный сектор, проверять посты. К полудню вернусь. Если хочешь, можешь погулять по поселению — тебя уже знают, проблем не будет. Если проголодаешься, в общинном доме всегда кормят. И осторожнее с вопросами: эльфы любопытны, но не все умеют вовремя остановиться.

— Справлюсь, — кивнула Нонна. — Я привыкла к любопытным. У меня клиентки такие же.

Алагир усмехнулся, тронул пятками бока Бадрока, и конь пошёл по тропе сначала шагом, потом рысью, а потом и галопом — рыжая молния между зелёных стволов.

Нонна осталась одна в сердце эльфийского леса.

Она выдохнула, поправила волосы и решила: раз уж у неё есть семь дней, надо понять, чем она может быть полезна. Просто сидеть и ждать она не умела. Руки требовали дела.

Эль-Даран днём оказался ещё живее, чем утром. Работали мастерские, пахло свежим хлебом, где-то звенел молот по металлу. Нонна прошла мимо дерева-дома, из которого выглянула знакомая пожилая эльфийка с серебряной косой — та самая, что вчера разглядывала её ногти.

— А, человеческая девушка! — окликнула она. — Зайди, зайди. Чай как раз заварила.

Нонна зашла. Дом оказался уютным, с пучками трав под потолком и целой коллекцией керамических горшочков на полках. Эльфийку звали Лаэна, она была травницей и болтала без умолку, пока разливала чай.

— Алагир сказал, ты умеешь врачевать, — Лаэна пододвинула к Нонне мисочку с мёдом. — Это хорошо. Целителей у нас мало, а работы много. Ты как, руками или магией?

— Руками, — ответила Нонна. — Магии у меня нет.

— Пока нет, — загадочно ответила Лаэна, и её глаза хитро блеснули. — Элира вчера вечером заходила, говорила о тебе. Сказала, в тебе что-то есть.

— Что?

— Она сама не поняла. Но Элира редко ошибается.

Нонна отхлебнула чай и задумалась. Значит, не только она заметила изменения. И старейшина Элира тоже что-то почувствовала.

После чая она пошла дальше. У восточного ручья наткнулась на Минелона — рыжеватый эльф чинил какую-то упряжь, сидя на поваленном бревне. Рядом стоял его младший брат Линнель, бледный, с перевязанным плечом, но уже на ногах.

— Госпожа Нонна! — Минелон вскочил, чуть не уронив упряжь. — Линнель, это она. Та самая.

Парень подошёл к Нонне и поклонился — осторожно, чтобы не потревожить повязку.

— Спасибо тебе, — сказал он тихо. — Я бы не выжил.

— Выжил бы, — ответила Нонна. — Ты крепкий. Дай-ка посмотрю шов.

Она осмотрела рану, проверила, нет ли воспаления. Шов держался отлично, края были чистыми. Эльфийская настойка творила чудеса — на месте вчерашней раны уже нарастала молодая розовая кожа.

— Через пару дней можно нитки снимать, — сказала Нонна. — Придёшь, я сниму.

— Ты остаёшься? — Линнель посветлел лицом.

— Пока да.

Минелон просиял и хлопнул брата по здоровому плечу:

— Я же говорил! Она не просто человек. Она наш человек. То есть не человек. То есть

— Я понял, — перебил Линнель.

К обеду Нонна добралась до общинного дома — большого строения, сплетённого из ветвей и увитого цветущей лозой.

Внутри стояли длинные столы, за которыми сидели эльфы, обедали, разговаривали, смеялись. Нонну встретили приветливо, подвинули миску с похлёбкой, лепёшку, кружку ягодного отвара.

Она ела и слушала разговоры. Говорили в основном о патрулях и о тёмных эльфах, которые всё чаще появлялись у восточных границ. Кто-то упомянул, что видели странные огни в ночном небе. Кто-то — что пропали два оленя. Никто не паниковал, но напряжение чувствовалось.

— Ты вчера стрелу вытащила? — спросила сидящая рядом эльфийка с короткой стрижкой и руками, перепачканными глиной — видимо, гончар. — Говорят, ты как целитель работаешь. Может, помотришь мою кисть? Она у меня немеет по утрам.

— Дай, — Нонна взяла её руку, прощупала суставы, сгибала-разгибала пальцы. — Туннельный синдром, — сказала она. — От постоянной работы с глиной. Нужен покой и лёгкий массаж.

— Чего синдром? — переспросила гончар.

— Просто устала рука. Давай покажу массаж.

Пять минут спустя вокруг Нонны собралась целая очередь. Эльфы, прослышавшие о странной человеческой целительнице, шли со своими болячками: у кого-то спина болела, у кого-то колено хрустело, у кого-то локоть тянуло после стрельбы из лука. Нонна каждому уделяла время, щупала, мяла, объясняла. Магии в этом не было ни капли — только анатомия, которую она когда-то изучала на курсах массажа, и многолетний опыт работы с руками.

— Она и правда целительница, — прошептал кто-то в толпе.

— Без магии работает, а помогает, — ответил другой.

Нонна не комментировала. Просто делала своё дело.

К полудню на тропе послышался стук копыт, и во двор общинного дома въехал Алагир на Бадроке. Конь тяжело дышал, бока лоснились от пота. Эльф легко соскочил на землю и оглядел собравшуюся толпу с лёгким удивлением.

— Тебя на час оставить нельзя, — сказал он Нонне. — Уже полдеревни вылечила?

— Никого я не лечила, — отмахнулась она. — Просто массаж и советы. Как патруль?

— Следы, — коротко ответил Алагир. — У восточного оврага. Чужие, свежие. Похоже, разведка тёмных. Я доложу старейшинам.

Он привязал Бадрока и уже собрался идти, но остановился и посмотрел на Нонну:

— Кстати, мой брат вернулся. Рейнар. Он сейчас у тренировочного поля, и он хочет с тобой познакомиться.

— Со мной?

— Ты единственный человек в Эль-Даране. Это вызывает интерес.

— Ладно, — сказала Нонна, вытирая руки. — Пойдём.

Тренировочное поле находилось на опушке, где лес расступался, уступая место широкому лугу. Трава здесь была примята, земля — вытоптана, а в воздухе стоял запах, который Нонна уже начинала узнавать: горячий металл, мускус и что-то похожее на озон после грозы.

Посередине поля стоял дракон.

Он был меньше того, что пролетел над рекой в первый день, но всё равно огромный — размером с микроавтобус. Чешуя тёмно-зелёная, с бронзовым отливом на сгибах крыльев. Длинный хвост лениво подрагивал, жёлтые глаза с вертикальными зрачками следили за человеком, который стоял рядом и чистил дракону бок щёткой на длинной ручке.

Человек обернулся на шаги и широко улыбнулся.

Если Алагир был тёмным, стройным и насмешливым, то его брат оказался полной противоположностью. Русые волосы до плеч, серые глаза, широкие плечи и простая, открытая улыбка. Он выглядел не как лесной следопыт, а как воин — и держался соответственно: прямо, уверенно, без тени сомнения.

— А вот и знаменитая Нонна! — прогремел он, откладывая щётку. — Алагир мне все уши прожужжал: человек, маникюр, спасла раненого. Я думал, он преувеличивает, но нет — ты и правда существуешь.

— И тебе привет, — отозвалась Нонна. — Ты, я так понимаю, Рейнар.

— Всадник королевской стражи, к твоим услугам. — Он поклонился с лёгкой издёвкой, очень похожей на ту, что позволял себе Алагир, но у Рейнара она выходила добрее. — А это Скайфер, мой дракон. Скай, это Нонна. Не пугай её, она друг.

Дракон перевёл взгляд на Нонну. Она замерла, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Жёлтые глаза смотрели изучающе, но без агрессии. Скайфер издал низкий горловой звук, похожий на урчание огромного кота, и отвернулся, потеряв интерес.

— Признал, — сказал Рейнар с удовлетворением. — Обычно он фыркает на новых.

— У вас всё семейное — сначала Бадрок признал, теперь дракон, — пробормотала Нонна. — Что дальше, белки?

Братья переглянулись и засмеялись. Смех у них был совершенно разный: у Алагира — короткий, сдержанный, у Рейнара — громкий, раскатистый.

— Мне нравится, — объявил Рейнар. — Алагир, где ты её нашёл?

— На берегу, — ответил тот. — В буквальном смысле. Она выпала из воздуха с дымящейся штуковиной в руке.

— Это фрезер, — машинально поправила Нонна.

— Неважно. Главное, что она здесь.

Рейнар опёрся на щётку и посмотрел на Нонну уже внимательнее:

— Слушай, а ты и правда умеешь врачевать? Алагир сказал, ты Линнеля заштопала за пять минут.

— Это была просто первая помощь, — снова сказала Нонна, уже начиная уставать от этого вопроса.

— А с драконами работала?

Нонна моргнула.

— В смысле?

— У Ская правое крыло тянет. — Рейнар кивнул на дракона. — Наш целитель сказал, что это старая травма сухожилия, ничего не сделать. Но он драконов не знает — драконов вообще мало кто знает. А ты с руками работаешь. Может, взглянешь?

Нонна перевела взгляд на дракона. Скайфер смотрел на неё одним глазом, и в этом взгляде читалось что-то похожее на надежду. Или боль. Или ей просто казалось.

— Ладно, — сказала она. — Я посмотрю. Но если он решит, что я его обижаю, и откусит мне голову — я тебя прокляну с того света.

— Не откусит, — пообещал Рейнар. — Он у меня воспитанный.

Нонна медленно подошла к дракону. Тот не шевелился, только хвост чуть подрагивал. Она остановилась у его правого бока, там, где кожаное крыло крепилось к мощному плечу. Провела рукой по чешуе — тёплой, шершавой, совсем не похожей на человеческую кожу. Дракон глубоко вздохнул, но не двинулся.

— Здесь? — спросила она, нащупав небольшое уплотнение у сустава.

— Да, — ответил Рейнар. — Видишь, он крыло до конца не расправляет?

Нонна осторожно прощупала сустав, сравнила с левым. Правое плечо было чуть горячее, а при лёгком нажатии дракон коротко рыкнул — не зло, но предупреждающе.

— Воспаление, — сказала Нонна. — Старая травма, как вы и сказали. Но не сухожилия. Мышца. Она зажата, и он просто не может расправить крыло полностью. Ему больно.

— И что с этим делать? — Рейнар подошёл ближе.

— Массаж. Лёгкий, регулярный. И, может быть, тёплые компрессы. У вас есть что-то согревающее? Мази, настойки?

— Есть красный мох, — подал голос Алагир. — Он греет. Лаэна использует его для больных суставов.

— Отлично. Если растереть с маслом и прикладывать к плечу, через неделю станет легче.

Рейнар уставился на неё. Потом на брата. Потом снова на Нонну.

— Ты только что за три минуты нашла то, что наш целитель не мог найти три месяца.

— Я просто умею работать руками, — сказала Нонна в третий раз за день. — И я знаю анатомию.

— Это не «просто», — серьёзно сказал Алагир. — Ты уже третьего пациента лечишь за сутки. Признай очевидное: у тебя дар.

Нонна хотела возразить, но не успела — Скайфер вдруг наклонил голову и осторожно, почти нежно, ткнулся носом ей в плечо. Драконье «спасибо», видимо.

Она замерла, чувствуя горячее дыхание. А потом медленно подняла руку и погладила дракона по носу.

— Хороший, — тихо сказала она. — Хороший Скай. Потерпи, я тебя вылечу.

Дракон заурчал, как гигантский кот, и прикрыл глаза.

Рейнар смотрел на это с открытым ртом.

— Невероятно, — сказал он. — Он никому не даёт трогать нос. Даже мне.

— Значит, я ему понравилась.

— Не просто понравилась, — медленно произнёс Алагир, не сводя с неё глаз. — Ты установила с ним связь. Это бывает только у всадников. Ты понимаешь, что это значит?

Нонна убрала руку и повернулась к нему:

— Нет. А что это значит?

Братья переглянулись.

— Расскажем дома, — сказал Алагир. — Это долгий разговор.

Вечером они втроём сидели у очага в доме Алагира. Рейнар разлил по кружкам какой-то хмельной отвар — «для важных разговоров», — а сам уселся на подушку, скрестив ноги.

— Драконы не со всеми идут на контакт, — начал он. — Для того чтобы летать на драконе, нужна связь — особая нить, которая протягивается между всадником и зверем. Она бывает врождённой, а бывает — приобретённой. Но у людей её не бывает никогда.

— Почему? — спросила Нонна.

— Потому что люди не чувствуют магию. А драконы — существа магические. У них связь строится на обмене силой.

Нонна вспомнила, как ночная звездочка у её постели раскрыла лепестки сама собой. Как её глаза чуть позеленели. Как Лаэна сказала: «в тебе что-то есть».

— Вы думаете, во мне есть магия? — спросила она тихо.

— Я думаю, — ответил Алагир, — что разрыв между мирами не просто так перенёс именно тебя. И не просто так ты понимаешь наш язык, лечишь наших раненых и трогаешь нос нашего дракона. В тебе что-то проснулось.

— И это только начало, — добавил Рейнар. — Если связь со Скайфером укрепится, ты сможешь

— Что?

— Летать, — просто сказал он.

В комнате повисла тишина. В очаге потрескивали дрова, за окном стрекотали ночные цикады. Нонна смотрела в свою кружку и пыталась осознать услышанное.

Она — мастер маникюра из салона «Зефир», которая боялась летать даже на самолётах, — может полететь на драконе.

Это было невозможно.

Но ещё три дня назад она не верила в эльфов.

— Ладно, — сказала она наконец. — Допустим. И что мне делать?

— Продолжай в том же духе, — сказал Алагир. — Помогай, лечи, общайся. Если дар проснулся, он сам найдёт дорогу.

— А я помогу со Скайфером, — добавил Рейнар. — Приходи завтра на поле. Покажу, как ухаживать за драконами. Если уж ты будешь первой человеческой целительницей в Эль-Даране, то почему бы не стать и первым человеческим всадником?

Нонна усмехнулась, покачала головой и допила хмельной отвар.

Семь дней. Всего семь дней, чтобы понять, кто она теперь.

И кажется, ответ уже маячил где-то совсем близко.

Глава 5. Искры

Следующие три дня слились для Нонны в один сплошной вихрь.

Каждое утро она просыпалась под свет ночной звёздочки, которая теперь стабильно раскрывала лепестки при её пробуждении — сама, без всякой темноты. Каждое утро она завтракала с Алагиром, который перед патрулём обязательно кормил её лепёшками и заваривал свежий отвар. Каждое утро она шла на тренировочное поле, где её ждал Рейнар и Скайфер.

Дракон узнавал её издали. Стоило Нонне показаться на опушке, как он поднимал голову — огромную, размером с добрую телегу, — раздувал ноздри и издавал короткий горловой звук: нечто среднее между урчанием и приветственным свистом. Рейнар говорил, что так драконы зовут только членов своей стаи.

Вблизи Скайфер поражал ещё сильнее. Его туловище было длиной в три человеческих роста, а когда он расправлял крылья, они закрывали полнеба. Земля под ним проминалась, хвост оставлял в траве глубокую борозду. Дракон двигался с тяжёлой, величественной грацией существа, которое знает свою силу. И всё же рядом с Нонной он становился на удивление крошечным.

— Он тебя за свою принял, — сказал Рейнар на второе утро. — Это большая честь.

Нонна молча кивнула и принялась за массаж драконьего плеча.

Работа со Скайфером шла хорошо. Красный мох, который принесла Лаэна, оказался отличным согревающим средством: Нонна растирала его с маслом, прикладывала к больному суставу, а потом осторожно массировала мышцу. Дракон терпел. Иногда косился на неё жёлтым глазом, но ни разу не рыкнул, не дёрнулся. Через три дня он начал расправлять правое крыло чуть шире. Ещё чуть-чуть — и, кажется, сможет взлететь без боли.

Рейнар наблюдал за ними с неподдельным восхищением.

— Ты с ним как с ребёнком, — заметил он на третий день. — Спокойно, ласково, но твёрдо.

— Я с клиентками так же работаю, — отозвалась Нонна. — Если нервничать, они тоже начинают нервничать. А если спокойна — и им хорошо.

— Клиентки, — Рейнар хмыкнул. — Ты всё ещё про свой салон?

— А что мне про него, забыть?

Он помолчал, глядя, как она разминает драконье плечо. Потом сказал негромко:

— Алагир рассказывал, ты не очень-то хочешь возвращаться.

Нонна остановилась на секунду, но ничего не ответила. Рейнар воспринял это как приглашение продолжать.

— Я понимаю, — сказал он. — У нас хорошо. Лес, небо, драконы. Работа, которую ты делаешь, важна. Здесь ты нужна. А там?

— Там я просто крашу ногти, — сказала Нонна.

— Это тоже нужно. Но, наверное, по-другому.

Она пожала плечами. Рейнар шагнул ближе, встал рядом так, что она почувствовала тепло, исходящее от него — то ли от разгорячённого тела, то ли от огромного драконьего бока поблизости.

— Если решишь остаться, — сказал он, — у тебя будет место. Не только как целитель. Как всадник. Как друг.

— Как друг, — повторила Нонна и улыбнулась. — А Алагир говорит, что ты обычно с людьми не очень.

— Я с людьми вообще дела не имел. Ты первая. — Рейнар тоже улыбнулся. — Но ты скорее исключение.

Вечером того же дня Нонна сидела у ручья, полоскала руки после массажа. Солнце садилось, лес окрашивался в золотой и сиреневый. Было тихо, только вода журчала да где-то далеко пересвистывались птицы.

Сзади подошёл Алагир. Она узнала его по шагам — лёгким, почти неслышным, но уже знакомым.

— Как Скай? — спросил он, опускаясь рядом на корточки.

— Лучше. Ещё пара дней, и Рейнар сможет попробовать полёт.

— Хорошо. — Алагир помолчал. — Ты сегодня долго на поле была.

— Рейнар показывал, как правильно сидеть в седле. Сказал, если связь укрепитя, можно будет попробовать взлететь. Со мной. На Скае.

Алагир ничего не ответил. Нонна покосилась на него: в сумерках лицо эльфа казалось напряжённым, челюсть чуть сжата.

— Ты не рад? — спросила она.

— Рад, — ответил он ровно. — Просто Рейнар много времени с тобой проводит.

— Это плохо?

— Нет. — Он поднял с земли камешек, повертел в пальцах и бросил в воду. Круги разошлись по тёмной поверхности. — Просто я тоже хотел бы.

Нонна замерла.

— Чего?

— Проводить с тобой время. — Алагир наконец повернулся к ней, и в его голубых глазах отразился закат. — Ты спасла Линнея. Ты лечишь Ская. Ты помогаешь всем в деревне. Ты вообще спишь когда-нибудь?

— Сплю, — ответила она растерянно.

— А я патрулирую лес. С утра до полудня. И когда возвращаюсь, ты либо на поле с Рейнаром, либо у Лаэны, либо в общинном доме с очередным пациентом.

Нонна вдруг поняла, куда он клонит. И от этого стало тепло и неловко одновременно.

— Ты поэтому хмурый третий вечер? — спросила она.

— Я не хмурый. Я — Алагир осёкся, подбирая слово, и вдруг усмехнулся. — Ладно, хмурый. Признаю.

— Алагир. — Нонна повернулась к нему всем корпусом. — Ты первый, кого я встретила в этом мире. Ты спас меня. Дал мне дом. Ты ты мой друг, правда.

— Друг, — повторил он.

— Да. Друг. Хороший друг.

В воздухе повисло что-то недосказанное. Алагир смотрел на неё долго, очень долго, а потом вдруг протянул руку и коснулся её пальцев — тех самых, которыми она делала маникюр и зашивала раны.

— У тебя очень тёплые руки, — сказал он тихо.

— Это от работы. Кровообращение хорошее.

— Нет, — он покачал головой. — Это не от работы.

Он отпустил её пальцы и поднялся.

— Завтра я на южный сектор, — сказал он уже обычным тоном. — Вернусь к обеду. Если хочешь, можем прогуляться к Серебряному водопаду. Он красивый. И это недалеко.

— Я хочу, — ответила Нонна, не думая.

Алагир кивнул. Но прежде чем уйти, чуть задержался и добавил:

— И ещё. У меня для тебя подарок. Увидишь завтра утром.

Нонна хотела спросить, что за подарок, но он уже ушёл по тропе к дому. А она ещё долго сидела у ручья, гадая, что бы это могло быть.

Утро началось с ржания коня. Но не Бадрока.

Когда Нонна вышла из дома, рядом с рыжим конём Алагира стоял другой конь. Белый. Мощный, широкогрудый, с длинной гривой, заплетённой в серебряные косички, и гордой посадкой головы. Он был прекрасен: белоснежная шерсть чуть светилась в утреннем солнце, а глаза были тёмно-карие, умные, с длинными ресницами.

Нонна замерла на пороге.

— Это что? — спросила она сипло.

— Дейлот, — ответил Алагир, стоявший рядом с конём. Он погладил белого по шее, и конь благодарно фыркнул. — Чистокровный лесной скакун. Один из лучших в Эль-Даране.

— Я не понимаю

— Ты теперь живёшь в нашем мире. Тебе нужен конь. Я не всегда могу быть рядом, а на Дейлоте ты сможешь ездить сама. Он спокойный, выносливый и признал тебя.

Нонна медленно подошла. Белый конь повернул к ней голову, понюхал воздух и вдруг шагнул вперёд — сам, без понукания, — и ткнулся носом ей в плечо.

— Признал, — тихо сказал Алагир, и в его голосе прозвучала гордость.

— Алагир, это слишком — начала Нонна, но он перебил:

— Это подарок. Не отказывайся.

Она закрыла рот. Потому что спорить с ним было бесполезно — и потому что конь смотрел на неё так, будто ждал, что она скажет «да». Нонна погладила белый нос, провела пальцами по гриве. Дейлот стоял смирно, только уши чуть поводил.

— Он красивый, — сказала она наконец. — Очень.

— Я знал, что тебе понравится.

В этот момент на тропе показался Рейнар. Он шёл к дому брата, но замер, увидев сцену у привязи. Присвистнул.

— Ого! Алагир, ты с ума сошёл? Дейлот — это же элитный скакун, их всего с десяток в королевстве!

— Теперь у Нонны есть свой конь, — спокойно ответил Алагир. — Она не может ходить пешком, когда вокруг все ездят.

Рейнар перевёл взгляд с коня на Нонну, потом на брата. Что-то мелькнуло в его глазах — не зависть, но понимание.

— Что ж, — сказал он, — достойный подарок. А ты, Нонна, теперь ещё больше похожа на эльфийку. Только седла не хватает.

— Седло ей даст мастер Минелон, — сказал Алагир. — Я уже договорился.

Нонна стояла, обнимая Дейлота за шею, и чувствовала, как к горлу подступает ком. За три дня в чужом мире она получила больше тепла и заботы, чем за последние три года дома.

— Спасибо, — сказала она глухо. — Оба. Вы вы невероятные.

Братья переглянулись. И оба промолчали.

На следующее утро Нонна проснулась с ощущением, что сегодня что-то случится.

Сначала она не поняла, в чём дело. Обычное утро: ночная звёздочка свернула лепестки, за стеной Алагир звенел посудой, Бадрок и Дейлот тихо пересвистывались у привязи. Но когда Нонна подошла к окну, то заметила: светящиеся цветы, что росли вдоль тропы к дому, все как один развернулись в её сторону. Их голубоватое свечение чуть пульсировало, подстраиваясь под ритм её дыхания.

— Доброе утро, — раздался голос Алагира от двери. — Ты сегодня светишься.

— Что?

— В прямом смысле. — Он кивнул на цветы. — Они так реагируют только на сильную магию. Твой дар растёт.

Нонна посмотрела на свои руки. Никакого свечения она не видела, но пальцы слегка покалывало — так бывает, когда отсидишь руку, только это покалывание было приятным, почти ласковым.

За завтраком Алагир был немногословен, но то и дело бросал на неё короткие взгляды. Нонна делала вид, что не замечает.

— До обеда, — сказал он, вскакивая на Бадрока. — Водопад ждёт.

— До обеда, — кивнула она.

Тренировочное поле встретило её громким драконьим рыком. Но не Скайфера — рык был другим, выше тоном, резче. Когда Нонна вышла на опушку, то увидела, что на поле стоит не один дракон, а три.

Все они были огромные. Скайфер, как обычно, лежал у края, подставив бок утреннему солнцу — гора тёмно-зелёной чешуи, над которой поднималось облачко пара от дыхания. Рядом с ним нервно переминался молодой дракон — помельче, но всё равно размером с добрый дом, с серебристо-серой чешуёй и длинной шеей, — которого держал под уздцы Минелон. А чуть поодаль стоял Рейнар и разговаривал с ещё одним всадником — высоким эльфом в тёмно-синем плаще.

— О, Нонна! — Рейнар махнул рукой. — Иди сюда, познакомлю.

Эльф в синем обернулся. У него было узкое лицо, холодные серые глаза и длинные пепельные волосы, забранные в высокий хвост. Он скользнул по Нонне взглядом — оценивающим, быстрым, — и слегка склонил голову.

— Это Вейрон, — представил Рейнар. — Командир восточного крыла. Он прилетел на проверку. Вейрон, это Нонна, о которой я тебе писал.

— Та самая человеческая целительница? — Вейрон говорил ровно, без эмоций. — Наслышан.

— Приятно познакомиться, — сказала Нонна.

— Взаимно. — Он снова окинул её взглядом, на этот раз дольше задержавшись на руках. — Рейнар говорит, ты лечишь Скайфера без магии.

— Массажем и тёплыми компрессами.

— Интересно. Я бы хотел, чтобы ты взглянула на моего дракона.

Вейрон отошёл к дальнему краю поля. Там лежал четвёртый дракон — и он был самым огромным из всех. Тёмно-синий, почти чёрный, с мощным костяным гребнем вдоль спины и крыльями, каждое из которых было размером с корабельный парус. Он занимал почти четверть поля. Когда дракон повернул голову, земля чуть вздрогнула под его весом. Жёлтые глаза смотрели устало, но в глубине их теплился огонь.

— Ноэль, — представил Вейрон. — Ему больше ста лет. Он один из Старших — древних драконов, которые помнят ещё Первую войну. Мало кто может к нему подойти.

Нонна замерла. Дракон смотрел прямо на неё. В его взгляде было что-то странное — не просто любопытство, а узнавание.

— Подойди, — тихо сказал Вейрон. — Он зовёт.

— Зовёт? — переспросила Нонна.

— Да. Я чувствую. Он хочет, чтобы ты подошла.

Нонна глубоко выдохнула и медленно пошла вперёд. Рейнар хотел пойти следом, но Вейрон удержал его за руку.

— Пусть сама, — сказал командир. — Это важно.

Она подошла к дракону вплотную. Ноэль опустил голову — одно это движение заняло несколько секунд, — и его нос оказался прямо перед лицом Нонны. Горячее дыхание обдало её теплом. Она протянула руку.

Дракон не рыкнул, не отстранился. Он закрыл глаза — оба, медленно, — и чуть наклонил голову, подставляя лоб под её ладонь.

Рейнар выдохнул сзади.

— Этого не может быть, — пробормотал он. — Ноэль никого не подпускает, кроме Вейрона. А ей — сразу.

— Не просто подпускает, — медленно произнёс Вейрон. — Он признал её. Как равную. Нонна не слышала их. Она гладила дракона по носу, чувствуя под ладонью горячую шершавую чешую, и слышала — не ушами, а где-то глубоко внутри — низкий, рокочущий голос: «Ты пришла».

— Что? — прошептала она.

Но голос уже стих.

Дракон снова открыл глаза, посмотрел на неё долгим взглядом и медленно поднялся во весь рост. На фоне неба он казался живой горой.

— У него старая травма хвоста, — сказал Вейрон, подходя ближе. — Целители разводят руками. Ты сможешь помочь?

Нонна кивнула, всё ещё не в силах говорить. Вейрон подвёл её к хвосту Ноэля. Травма была старой, запущенной. У основания хвоста прощупывался костный нарост, из-за которого дракон не мог свободно вилять хвостом — тот двигался рывками, с видимым усилием.

— Здесь нужен регулярный массаж с разогревом и, возможно, магическое воздействие, — сказала Нонна, осмотрев сустав. — Но даже без магии я попробую.

— Пробуй, — кивнул Вейрон. — Если ты сможешь Ноэлю, клянусь небом, я сам буду просить старейшин оставить тебя навсегда.

Нонна принялась за работу. Рейнар остался рядом — подавал масло, придерживал дракона за ошейник и смотрел на неё так, как смотрят на что-то невероятно ценное.

— Ты зачем меня Вейрону рекламировал? — тихо спросила Нонна, когда командир отошёл к своему дракону.

— Потому что ты лучшая, — ответил Рейнар просто. — И об этом должны знать.

Она хотела возразить, но не нашлась. Compliment был таким прямым, таким искренним, что возражать было глупо.

— Спасибо, — сказала она.

— Тебе спасибо, — ответил он. — Ты меняешь всё, Нонна. Даже не представляешь, насколько.

К полудню Алагир вернулся с патруля. Он был запыханный, уставший, но глаза сразу нашли Нонну — она как раз выходила из общинного дома с корзинкой для трав. Дейлот, привязанный у коновязи, заржал ей навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.